
ОТ АВТОРА

Творчество Достоевского соединено многообразными нитями с предшествующей и современной ему литературой — русской и зарубежной. И вместе с тем оно оказало и продолжает оказывать громадное воздействие на развитие всей позднейшей мировой литературы.

Поэтому даже если бы автор поставил перед собой лишь одну задачу: осветить ту роль, которую различные произведения русской и западноевропейской литературы — от памятников литературы Древней Руси, произведений Данте и Шекспира и до творчества ближайших предшественников и современников Достоевского — сыграли в становлении и развитии его искусства романиста, вряд ли он мог бы успешно выполнить поставленную задачу в одной — сравнительно небольшой — книге. Тем более было бы невозможным исчерпать в ней все многочисленные и разнообразные факты, свидетельствующие о духовном присутствии Достоевского и о горячей борьбе вокруг его наследия в литературе XX века. Озабоченный полнотой материала, автор должен был бы неизбежно возвращаться к тому, что уже не раз привлекало внимание других исследователей, а при обращении к таким литературам, в которых он не считает себя специалистом, черпать материал из вторых и даже третьих рук.

Вот почему, хотя книга озаглавлена «Достоевский и мировая литература», автор отказался от намерения исчерпать в ней связи Достоевского с его предшественниками и современниками, а тем более — от попытки дать в ней полный обзор влияния Достоевского на литературы самых различных, европейских и внеевропейских, стран и регионов. Из необозримого моря проблем, объединяемых темой «Достоевский и мировая литература», выделены лишь немногие: из них одни особенно показа-

тельны и важны для понимания мирового значения творчества Достоевского в наши дни, а другие наиболее созвучны индивидуальным исследовательским склонностям и интересам автора.

В новой своей работе, как легко увидит внимательный читатель, автор исходил из того же общего понимания творчества Достоевского, которое было положено им в основу монографии «Реализм Достоевского» (М. — Л., «Наука», 1964). Деятельность великого русского романиста рассматривается в вошедших в состав настоящей книги очерках и статьях как крупнейшая историческая веха в истории реализма русской и мировой литературы. В соответствии с этим в них существенное место уделено социально-критическому содержанию романов Достоевского, а также философско-историческим, эстетическим и нравственным идеям писателя. Как стремится показать автор, без ясного и отчетливого понимания той тесной и нерасторжимой связи, которая существовала между антибуржуазной социально-критической мыслью Достоевского и его творчеством романиста, не может быть верно понята также ни одна из специфических черт его художественного новаторства. Именно от того, сознавал ли более или менее отчетливо эту связь тот или иной из писателей конца XIX и XX века, обращавшихся в своих художественных исканиях к опыту Достоевского, или она осталась им как художником не прочувствованной и не понятой, зависела непосредственным образом всякий раз самая плодотворность подобного обращения — таков вывод, к которому приводят, в частности, две последние, завершающие книгу главы, из которых одна посвящена трансформации тем и образов «Преступления и наказания» во французской литературе, а другая — влиянию Достоевского на немецкоязычный роман конца XIX и XX века.

Особого разъяснения заслуживает вопрос об истолковании в настоящей книге термина «роман-трагедия», которым автор, вслед за рядом других исследователей, широко пользуется для типологической характеристики романов Достоевского. Хотя термин этот был применен впервые Вячеславом Ивановым, в понимании которого всякая, в том числе античная, трагедия по своему смыслу сближалась с религиозной мистерией, мысль об обостренном интересе молодого Достоевского к трагическим сторонам жизни и о тяготении романа XIX ве-

ка к внутреннему социально-психологическому драматизму была высказана в русской критике еще Белинским, причем он — о чем говорится в последней главе моей книги «Реализм Достоевского» — обосновал эти свои выводы с иных позиций, чем Вячеслав Иванов, М. А. Волошин и другие критики — символисты и пост-символисты. Не вдаваясь в настоящее — поневоле кратком — предисловии в более подробный анализ термина «роман-трагедия» и различных его толкований, ограничусь указанием того основного обстоятельства, благодаря которому термин этот, с моей точки зрения, удачно характеризует одну из определяющих особенностей художественного новаторства Достоевского: в отличие от большинства своих предшественников, Достоевский ставит главных своих героев в «крайние» ситуации. В такой ситуации наделенный чуткой и тревожной мыслью герой вынужден самой жизнью принять *сознательное* решение, которое имеет для него и окружающих катастрофические последствия, что герой неизбежно — рано или поздно — осознает. Подобный архитектурный принцип для Достоевского не случаен: он непосредственно вытекает из важнейшей философской и социально-психологической проблемы, особенно остро стоявшей перед писателем и тревожившей его всю жизнь: проблемы преодоления буржуазного индивидуализма и любых — в том числе самых утонченных — индивидуалистических форм общественного сознания. Этот-то руководящий принцип Достоевского-художника и дает, как представляется автору, право исследователю исторически обоснованно пользоваться для обозначения созданной им новой модификации романического жанра термином «роман-трагедия».

Другая, не менее существенная черта романа-трагедии Достоевского — в том, что в нем мысль и автора и героев (как в трагедиях Шекспира) непосредственно, минуя промежуточные звенья, постоянно от каждодневного, «текущего» и «сиюминутного» переключается к всеобщему — к тому, что сам писатель охарактеризовал как «мировые вопросы» и «мировые противоречия».

Лев Толстой превосходно сказал о Достоевском, что он был «весь борьба». Не удивительно поэтому, что и творчество Достоевского находилось уже при его жизни и продолжает находиться в наши дни в самом центре борьбы полярно противоположных идей, различных художественно-эстетических направлений и тенденций.

Уделив в книге значительное место не только внутренним противоречиям творчества Достоевского, но и спорам, рожденным различными толкованиями смысла его произведений, творческим усвоением и развитием традиций Достоевского в позднейшей мировой литературе, автор прекрасно отдает себе отчет в том, что и сам он не остался в стороне от этих споров. Многие страницы его книги открыто полемичны. Особенно горячо автор полемизирует с широко распространенными в современной буржуазной науке антигуманистическими трактовками Достоевского — в частности, сближением его идей со взглядами Ницше и Фрейда, стремлением оторвать творчество Достоевского от реалистической традиции, представить его одним из родоначальников модернизма — вплоть до деперсонализованного, так называемого «нового» романа или столь же сомнительных достижений литературы «абсурда».

Книга создавалась в процессе участия автора в подготовке академического Полного собрания сочинений Достоевского. Руководя работой своих младших товарищей над этим изданием, автор одновременно учился у них и выражает им свою благодарность.

Ссылки на произведения и письма Достоевского даются в тексте по изданиям: Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, тт. 1—27. Л., «Наука», 1972—1984 (при цитатах указываются арабскими цифрами том (курсив) и страница); Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. М.—Л., ГИЗ — «Academia» — Гослитиздат. 1928—1959. Ссылки обозначаются: Письма, том (римская цифра), страница (арабская).